

ТАК НЕ БЫВАЕТ!

Ольга Волкова — актриса ничья. Кажется, ни один из работавших с ней режиссеров не открыл и не развил ее талант в полную силу. А сколько раз она существовала вопреки вялому течению сюжета, аморфному развитию мысли... Она родилась, когда ее театр отходил уже в Лету. Она состоялась, когда пышную, карнавальную театральность и изящную стилизацию почти полностью вытеснило, высмеяло жизнеподобие. Гротеск именовался формалистическим изыском, и это звучало как бранное слово.

А Ольга Волкова — актриса булгаковская. Здесь ее объяснение — в стихии булгаковских интонаций, в страсти к мистификаторству, любви к фантазмагории, в умении самое невероятное оправдать самым вероятным способом. Мне, например, ничего не стоит увидеть, как ее Аннушка «уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила» — пресловутое масло, на котором через минуту подскользнется на Патриарших прудах Берлиоз. Ясно представляю себе ее дам, растрепанных запахом французской косметики в вольандовском варьете. Точно знаю, какие у них лица и жизни. Ольга Волкова могла бы легко примерить на себя и коровьевское пенсне, и знаменитую фразу Бегемота: «Маэстро! Урежьте марш!». Могла бы потряхнуть травестийной своей стариной и превратиться даже в поэта Ивана Бездомного, которому вовсе не требовалось бы стать для этого женщиной. В коллекции наблюдений актрисы («Жизнь — самый талантливый драматург», — любит она повторять), в ее устной книге «От 2-х до 80-ти», которую вне сцены и экрана «пишет» она своей актерской индивидуальностью, есть и немало героев-мужчин. И пусть они попробуют себя не узнать.

Так не бывает, скажет читатель. Так не бывает, говорили ей часто и режиссеры. Говорили, словно пугаясь азартной готовности актрисы к перевоплощению, к немедленной игре, соучастью в замысле, пугаясь ее эмоциональности, театральности, которая, по их мнению, выглядела несвоевременной и несвоевременной. По выражению самой Ольги Волковой, за ней очень скоро закрепилось странное — вполне булгаковское! — амплуа «актрисы с перебором», что и определило ее дальнейшую судьбу, в которой до сих пор больше эпизодов, чем настоящих ролей. Увы — потому что талантливым актерам нужны настоящие роли, и ах — потому что эпизоды эти стоят иных ролей. Бледные и бессловесные героини в исполнении Ольги Волковой обретали голос и характер, привычки, походку, социальное происхождение, легенду в прошлом и драму в настоящем.

До перехода в АБДТ имени М. Горького Ольга Волкова служила в Театре комедии, идеальной актрисой которого могла стать, но не стала. Николая Павловича Акимов уже не было в живых, а воспоминания о знаменитом «акимовском» театре ревниво сохраняли старые актеры и ревниво отражали эскизы спектаклей, афиши, лестничные витражи, созданные этим редким художником и режиссером. Его тень словно старалась она поймать в зеркалах, хитроумно расставленных им по всему закулисью (так и хотелось сказать — за кулисами). Тому, уже не существующему театру сохраняла она верность на сцене. В Театре комедии Ольга Волкова сыграла свою знаменитую роль, лучшую роль ленинградского сезона — Калугину в пьесе Э. Брагинского и Э. Рязанова «Сослуживцы». По иронии судьбы в этой же роли, но в фильме Рязанова «Служебный роман» несколько лет спустя прославилась Алиса Фрейндлих. Та самая десятиклассница Алиса, которая когда-то привела семиклассницу Ольгу в драматический кружок актрис БДТ М. А. Призван-Солововой. Мир тесен, пути актерской судьбы неисповедимы. Проходят годы, и Ольга Волкова встретится с Алисой Фрейндлих, как с партнершей, на сцене. Кто знает, может быть, именно в роли Калугиной заметил Волкову Рязанов и стал снимать, полюбив в ней вот это, акимовское, умение остро, социально окрашивать образ, делать его невероятно типичным, не лишая при этом ни живости, ни человеческих черт.

Гарсиа Лорка как-то написал, что истинный талант в человеке вдохновляет не бог, но черт. Чертовщина, актерское «хулиганство», дающее порой удивительный творческий результат, живут в Ольге Волковой еще со времен, когда она была ведущей актрисой Ленинградского тюза. Она по духу — тызянка, и принадлежность к этому особому сообществу, ныне изжитому, скомпрометированному, презираемому, но когда-то прекрасному, определяет качество ее таланта. Кстати, знаменитый Николай Черкасов тоже был тызянином. То же, как и Ольга Волкова, начинал в мимансе оперного театра. И, как считают очевидцы, без его шутилого тызовского Дон Кихота у

Б. Зона не было бы другого идадьго — у Г. Козинцева.

Профессионализм Ольги Волковой — старого образца. Эта «забытая мелодия для флейты» в нашем театральном оркестре досталась ей по наследству от деда и матери. Для нее, я думаю, очень важно, что она актриса в третьем поколении. Это самоощущение профессии позволяло ей одинаково серьезно относиться и к сыгранным девочкам и мальчикам из ныне забытых пьес — и к Антигоне Ануя, Липочке из «Банкрота» А. Н. Островского, Элен из «Сотворившей чудо» У. Гибсона. Это заставляло ее, ушедшую из Тюза, «доигрывать» Катю из рошинской «Радуги зимой», свою любимую и лучшую тызовскую роль. Это позволяет ей и сегодня мечтать о чеховской Маше и брехтовской Кураж, о пьесах Горького, Андреева, Ибсена.

Мечтать об одном и играть совсем другое. Несколько лет назад она мелькнула в «Кроткой» по Достоевскому, нашумевшем спектакле Л. Додина на сцене АБДТ. Мелькнула и растворилась в сценическом тумане, так что зритель, увлеченный трагическим поединком Егор и Ева (О. Борисова и В. Шестаковой), быть может, и не заметил ее героини. Но более внимательные профессионалы отметили и верный тон, и четкий графический рисунок этой маленькой роли. Совсем недавно О. Волкова сыграла Анну в долгожданном Горьком, в «На дне». Работа вновь была отмечена в ряду актерских удач. Но что значила эта драма без слов умирающей Анны, когда со сцены гремели сатинские монологи: «Человек — это звучит гордо!..» Впрочем, в исполнении О. Волковой любой герой был достоин внимания, «звучал гордо». Между этими двумя героинями была еще одна — Мавруша в «Смерти Тарелкина» в опере-фарсе А. Колкера по мотивам комедии А. Сухово-Кобылина.

Критики восхищались ее миниатюрным открытием, утонченной стилизацией, режиссерам кажется, всегда казалось, что ее актерского дыхания может хватить лишь на короткую дистанцию. В кино ей последние годы все-таки везло больше. Хотя бы потому, что экран увеличивал, укрупнял черты ее многочисленных героинь, так что зритель успевал узнать и полюбить, восхититься мастерству актрисы, ее уму и юмору, что немаловажно.

Целая гамма невосребованных чувств читалась в глазах ее одинокой Светланы Ивановны из картины «Снегурочку вызывали?» Почти мистический ужас охватывал ее близорукую героиню из «Учителя пения», когда в квартиру к двум женщинам с ребенком вваливался из ночи герой Андрея Попова.

Фильм Э. Рязанова «Вокзал для двоих» был фильмом двоих, бенефисом Людмилы Гурченко и Олега Басилашвили. Но для режиссера, я думаю, было важно, кто и как будет этому дуэту аккомпанировать. Так здесь появился Н. Михалков в роли железнодорожного коваля, обаятельного героя, хама, может быть, излишне яркого, но узнаваемого, типичного для нашего времени. Столь же яркой и узнаваемой была в «Вокзале» и официантка Вло-

летта в исполнении Ольги Волковой. Нелепое декольте, нелепые серьги в ушах, нелепая розочка-наколка в волосах. С тоской взирая она на роман подружки. Восхищаясь ею, завидуя ей, все же лелеяла и свою надежду — вот так же осчастливить заезжего командировочного или на худой конец музыканта из привокзального ресторана. Однако не впадала при этом в банальный романтизм, ловко считала деньги и равнодушно-привычно огрызалась на случайных клиентов.

Были в судьбе Ольги Волковой и деловые женщины. Совсем особая категория. Обладающие английскими костюмами и белых халатов и шапочек, очков, пучков, папок с бумагами и здорового цвета лица, не испорченного косметикой, сторонницы эмансипации и финансовой независимости от мужчин. Их пунктуальность и педантизм оказывались артистичны («Дублер начинает действовать»). В них несомненным был ум, ироничный иострый («При открытых дверях»). Никакое стечение обстоятельств не заставляло их терять чувство собственного достоинства и сострадания («Прости»!).

Оглядываясь на них, героиня Ольги Волковой, сыгранных в кино давно и недавно, больше всего удивляешься их неповторимости, непохожести друг на друга и на саму актрису. Как могла возникнуть эта живописная галерея женских образов, типов и типажей, которым актриса раздала свою коллекцию шляпок, причесок, улыбок и судеб, объясняет ее давнее признание: «Я любила и люблю играть в массовых сценах, потому что существование на сцене без слов дает волю воображению». Мысль, казалось бы, идеально простая, но разделять этот совет профессионала сегодня умеют далеко не все. Как, кстати, и играть иностранцев. А Ольга Волкова всегда умела, и без особого напряжения. Никогда не шла по линии внешней, всегда неточной характерности, а «зрила в корень», стараясь постичь, пусть на эмоциональном уровне, психологию незнакомой ей нации, азы чужого национального характера. Это выходило смешно и точно. Ее кокетливая модистка из «Жестокое романса» — непременно французженка. Ее секретарша из «Кражи», мечтающая однажды проснуться леди, ее старая дева Рэчет из «Пиквикского клуба», ее миссис Хоккинс из «Острова сокровищ» — именно дочери Альбиона, хотя и разных исторических эпох. А глядя на «хорошую актрису из Шеффилда» («Мой нежно любимый детектив»), непременно подумаешь, что так любить могут лишь англичанки.

Можно, конечно, сказать, что актриса «перебирала» в этих ролях. Я перебор обнаружил лишь в одном — в серьезности подхода к делу, которому она служит. Возможно, этого и стоит побаиваться. Хотя бы потому, что странной, избыточной мерой своей игры она может сделать то, о чем ее и не просили, — обнаружить несостоятельность драматургии, режиссерскую беспомощность, актерскую самовлюбленность коллег...

Несколько лет назад О. Волкова сыграла в фильме В. Бутурлина «Аполлодисменты, аплодисменты...» Сюжет о том, «как стать «звездой», да еще с участием таких «звезд», как Людмила Гурченко, Олег Табаков, Александр Ширвиндт, казалось, гарантировал не только успех, но и кассу. Однако ничем, кроме богато выполненной иллюстрации к скромной книге Л. Гурченко, по которой В. Мережко написал сценарий, фильм так и не стал. А О. Волкова играла замечательно. Ее неуклюжий помреж Полина жила и металась, терпя всевозможные унижения ради искусства, с полным самоотвержением посвящая себя кино и известному режиссеру, сытость и хамство которого пропускала мимо ушей и глаз. Это была поэтичная новелла о том, как «снимается кино», увиденная трезвым и одновременно мечтательным взглядом художника. Тогда же подумалось, что такой вот фильм не мешало бы снять с Ольгой Волковой и о ней, чьи фарсовые способности замечены режиссерами, порой даже растиражированы, а обаяние, драматический талант, иронический ум до сих пор не востребованы.

Перечислив вначале булгаковских персонажей, которых могла бы сыграть Ольга Волкова, я умышленно не назвала среди них Маргариту — из одного суеверного страха перед ретроградными и «знатоками», чьи голоса все еще часто перекрывают остальные. А ведь Мастера, если помните, «поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах». Да и сам Булгаков, уверена, обожал свою героиню, ставшую в пятницу ведьмой, больше всего за то, что она способна высадить стекла в квартире ненавистного ей критика Латунского.

Н. КАЗЬМИНА.

● Заслуженная артистка РСФСР О. Волкова. Фото Б. Стукалова.